

В поддержку геополитического проекта Большой Евразии

Размеры и географическое положение делают Россию связующим звеном между Европой и Азией. С опорой на свой вклад в мировую культуру и межконфессиональный диалог, историю, уникальный опыт строительства различных экономических укладов, статус постоянного члена Совета Безопасности ООН она призвана играть созидательную объединяющую роль в Евразии. Истоки ее философского, политического и культурологического обоснования можно отыскать в позитивной части идеологием классического и новейшего евразийства. Чтобы Москва взяла ее на себя, как аргументированно обосновывают лидеры российского экспертного сообщества, возникли необходимые предпосылки. Повсюду возобладали центростремительные тенденции. Эра индивидуализма и обособленности проходит. Усиливается тяга к интеграции и регионализации. С участием России, Китая, Индии и Казахстана созданы опорные международные организации. Они прибавляют во влиянии. Сотрудничество стран-участников прокладывает путь к осуществлению проекта Большой Евразии.

Геополитическое призвание России в новых исторических условиях

«Мы – великая держава, – настаивали лидеры молодой демократической России, используя, может быть, несколько более обтекаемую фразеологию, даже тогда, когда вокруг всё рассыпалось. Страна распалась на удельные княжества. Деньги в казне исчезали, еще не появившись. Свиристествовал такой экономический кризис, по сравнению с которым беды современной Греции больше похожи на детские шалости. Отсутствие опыта управления в условиях стихийного перехода от плановой экономики к рынку и от обветшавшей тоталитарной системы к чему-то принципиально иному приводило к чудовищным издержкам для общества. А о проведении самостоятельной инициативной внешней политики на какое-то время приходилось забыть. – Без нас Европа – не Европа. Азия – не Азия. Без нашего участия остальным не справиться ни с какими глобальными проблемами. Мы обречены быть великой державой, объединяющей земли и народы, в силу наших гигантских размеров и географического положения, нашей культуры и истории, нашего вклада в мировую цивилизацию».

Это было верно тогда. К сожалению, наши западные партнеры, экстраполируя в будущее лишь совсем недавние тенденции, столь очевидную истину проигнорировали, что обошлось и им, и нам очень дорого. Это еще более справедливо сегодня, когда красивые или горькие слова, наконец-то, подкрепляются конкретными делами. Об этом напоминает в своей недавней статье «Исторические перспективы внешней политики России», вышедшей на страницах престижного журнала «Россия в глобальной политике» 3 марта 2016 года, Министр иностранных дел С.В.Лавров. Он пишет: «Первый русский император за два с небольшим десятилетия сумел выдвинуть Россию в разряд ведущих государств Европы. С тех пор с Россией уже не могут не считаться, ни один серьезный европейский вопрос невозможно решить без учета российского мнения»^[1].

Россия – на передовой глобальной войны с международным терроризмом. С оружием в руках

борется за то, чтобы даже самые острые кровавые конфликты получали решение в результате всеобъемлющего инклюзивного политического процесса. Находится с этой целью в ни на секунду не прекращающемся диалоге с другими постоянными членами Совета Безопасности ООН и государствами, избранными в него по ротационному принципу. Может опереться в своих самых разнообразных усилиях на такие созданные с ее участием влиятельные международные структуры, как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Вместе с другими европейскими и азиатскими народами осуществляет свой собственный интеграционный геополитический проект. Масштабный. Амбициозный. Обращенный в будущее. Открывающий новые горизонты.

Об этом проекте, вслед за когортой ведущих российских ученых-международников, среди которых выделяется такая мощная фигура, как почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики С.А.Караганов, опираясь на их труды, и хотелось бы поразмышлять. Именно С.А.Карагановым внесен определяющий вклад в новое прочтение и осмысление проекта. В этом он основывался на современном, позитивном, объединительном видении основных идеологем классического евразийства, предложенном президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. Преемственность вполне логичная, ведь именно Назарбаев стал первым из мировых политических лидеров, обосновавших необходимость создания ЕАЭС и его превращения в открытое инклюзивное объединение. Под руководством российского общественного деятеля выпущена первая работа, в которой они были лишь слегка прорисованы[2]. Затем подготовлено обобщающее исследование «Валдайского клуба» на эту тему[3]. Наконец, только что выпущен последний его доклад «К Великому океану - 4: поворот на Восток»[4].

Описывая нынешнее состояние умов, он подчеркивал: «Видимо, в ближайшее десятилетие будет создаваться некое «Сообщество Большой Евразии». Когда мы начинали говорить об этом несколько месяцев назад, это казалось фантазией, а теперь это уже происходит. На сегодняшней конференции идея «Сообщества Большая Евразия» прозвучала впервые, но ее сразу восприняли всерьез. На первом этапе я выдвигал эту идею как такую декларацию: в мире создаются большие блоки, одним из них станет «Большая Евразия», которую нужно оформлять, видимо, вокруг ШОС, создавать систему диалогов... Оказалось, идея настолько созрела, что ее мгновенно подхватили все. Отрадно, что наши друзья из Азии, ранее мыслившие менее свободно, стали мыслить более творчески, выдвигать новые идеи... Кстати, мы считаем, что «Большая Евразия» должна быть открыта для стран Европы. Европа - часть Евразии»[5].

Обстановка в мире сейчас очень непростая. Россия болезненно переживает временные экономические трудности как конъюнктурного, так и структурного характера. По многим направлениям международное сотрудничество находится в тупике, в который завел его выбор, опрометчиво сделанный нашими западными партнерами, в пользу проведения бессмысленной и опасной конфронтационной политики. Из него теперь сообщают, всем миром, надо искать выход. Состояние мировой экономики и торговли вызывает вполне обоснованную обеспокоенность. Геополитические риски, о чем неоднократно предупреждал в своих периодических докладах Международный валютный фонд (МВФ), как никогда высоки.

Вопреки всему этому нащупанный Москвой интеграционный геополитический проект многие вещи расставляет по своим местам. Он позволяет отвести многочисленные спекуляции, накрученные ангажированными политиками и экспертами, вокруг того, что делает и собирается делать Россия. Помогает дать содержательный ответ на волнующие всех нас вопросы о том, стремится ли Россия присвоить себе какую-то особую роль в Евразии, или она принадлежит ей по праву, и какими видятся ее наиболее знаковые черты. Как евразийская политика России соотносится с популярными концепциями евразийства, и нужны ли ей заранее установленные пространственные рамки. В какой степени при ее проведении Москва рассчитывает опираться на различные международные структуры с ее участием. Хватит ли у нее ресурсов и горизонта планирования для его эффективного осуществления. Что можно было бы противопоставить намерениям внешних игроков помешать такому интеграционному геополитическому проекту.

Рациональные мотивы объединения

Если в мире на настоящий момент и сложился консенсус по каким-то краеугольным, основополагающим вещам, то в отношении того, что власть должна принадлежать народу – в этом, согласно классическим представлениям, главный смысл, суть демократического устройства общества. Народ является носителем суверенитета. Он должен сам определять свою судьбу. Без вмешательства извне. Тем более военного. Такова стержневая идея Устава ООН, ставшая императивной нормой международного права. Никакого отступления от нее действующее международное право не допускает.

Тем не менее, на международной арене схлестнулись два подхода к ее пониманию и практической интерпретации. Один из них поддерживается преимущественно истеблишментом стран Североатлантического альянса и Европейского Союза. В соответствии с ним, если речь идет о защите или установлении демократии, борьбе с тоталитарными режимами и диктатурами, спасении от жестокого насилия или гуманитарной катастрофы, то НАТО и ЕС, их ведущие государства-члены или руководимые ими международные коалиции не должны сидеть сложа руки. Их обязанность – помочь народам сделать правильный выбор. Пусть и путем тайных операций. Подпитки вооруженной оппозиции и незаконных формирований деньгами, амуницией и летальным оружием. А то и прямого военного вмешательства. Безотносительно того, к каким катастрофическим последствиям подобный авантюризм может привести.

Противоположный – назовем его здоровым консерватизмом, т.е., в данном случае, уважением нормы права и того, о чем договаривались государства, создавая современный миропорядок, – отстаивается Россией, Китаем, другими участниками БРИКС, подавляющим большинством членов ООН. Они исходят из того, что Устав всемирной организации безопасности, освящающий невмешательство во внутренние дела и суверенное равенство государств, должен неукоснительно соблюдаться. Действия в обход Совбеза ООН недопустимы. Любые принудительные меры могут вводиться лишь на основании его решений. На право народов самим определять траекторию движения к свободе и более справедливому государственному устройству никто не должен покушаться. Приносить их судьбы в жертву абстрактным умозрительным идеалам преступно и непозволительно.

В пользу такого подхода говорит все последнее развитие событий не только в Азии, Африке, Латинской Америке, но теперь и в Европе. Насильственная смена власти в тех или иных странах, опирающаяся на поддержку и содействие извне, низвержение законных правительств и политических режимов неконституционными методами практически повсеместно принесли неисчислимые беды и страдания. Они создали вакуум власти, которым не преминули воспользоваться политические и религиозные ультра самого разного замеса. Повлекли за собой чрезвычайно опасную деградацию государственных структур и органов безопасности. Придали политической нестабильности перманентный характер. Нанесли тяжелейший удар по экономике. Чтобы в этом удостовериться, достаточно бросить взгляд на Ливию, Йемен, Сирию, Ирак, Судан, Афганистан, Сомали, Украину, Киргизию, Черную Африку. Список неполный, но более чем убедительный.

Этим подходом руководствуется Россия, выстраивая свою политику помощи развитию. Об этом много писал председатель Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации К.И.Косачев в бытность руководителем Россотрудничества[6]. Он положен в основу евразийского геополитического проекта. Никто никого ни к чему не принуждает. Вопреки голословным утверждениям об обратном. Руки не выламывает. Протестующих на улицы не выводит. Все участники проекта руководствуются лишь одним главным критерием – как, в пользу чего складывается баланс между тем, что получает, что выигрывает участник проекта, в случае его реализации, и что он утрачивает, чего лишается в области экономики, социального развития, безопасности и политической стабильности.

Только безусловный позитив баланса мог подвигнуть «отцов-основателей» пойти на создание Таможенного союза и Единого экономического пространства, затем форсировать их преобразование в ЕАЭС, а Ереван и Бишкек присоединиться к нему. Только уверенность в выгодности проекта обусловили то, что с просьбой о приеме к ЕАЭС начали обращаться даже географически отдаленные страны. В кратчайшие сроки ЕАЭС и государства-члены заключили пионерское соглашение о зоне свободной торговли с наиболее динамично развивающейся страной Юго-Восточной Азии – Вьетнамом. В очередь на заключение сходных договоров выстроилось под шесть десятков государств. И это сейчас, несмотря на экономический спад в России и продолжающуюся санкционную войну.

Хотя, естественно, идеализировать сотрудничество в рамках ЕАЭС никто не собирается. В этом нет никакой необходимости. Очевидно же, что при запуске нового масштабного интеграционного проекта приходится преодолевать большое количество структурных проблем. Они связаны с уже укоренившейся привычкой в первую очередь ориентироваться на продвижение своих собственных национальных интересов, разным состоянием и уровнем развития хозяйственных механизмов, острой конкуренцией между различными группами лоббистов.

На них наслаиваются текущие чисто конъюнктурные проблемы. Неустойчивость национальных валют. Падение цен на товары и услуги традиционного экспорта. Волатильность рынков. Ухудшение отношений с внешними партнерами и т.д. Их описанию посвящено море публицистической и более профессиональной литературы.

Но дело ведь не в остроте отдельных проблем, а в системной оценке участниками общего

баланса «за» и «против». Они их подсчитывают иначе, нежели завзятые критики евразийской интеграции, в число которых, входит, например, ведущий консультант Европейского Совета по международным отношениям, затем перешедший в Европейский институт исследований в области безопасности, Нику Попеску[7]. Плюс к этому нет никакой уверенности в том, что индивидуально справиться с ними было бы хоть чуточку легче.

Еще со времен 1990-х годов авторитетнейшим лоббистом экономического союза между странами, возникшими на территории бывшего СССР, выступило руководство Казахстана. Ведущим и наиболее авторитетным теоретиком неизбежности интеграции на просторах Евразии стал президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Он перебросил мостик между классическим евразийством и современностью. Взял у евразийства содержащийся в нем колоссальный позитивный политический заряд. Много сделал для понимания того, насколько тесно народы Евразии связаны между собой. Обосновал, что их сближение и объединение в рамках общего интеграционного проекта носит объективный характер. Предложил конкретное видение того, как его следует осуществлять[8].

Однако до начала 2010-х годов предпосылки, необходимые для успеха амбициозного евразийского проекта, отсутствовали. На пространстве бывшего СССР господствовали центробежные тенденции. Даже созданное Россией и Белоруссией союзное государство оставалось им преимущественно на бумаге. Содружество независимых государств (СНГ) обеспечивало, скорее, «цивилизованный развод» частей некогда единой страны, нежели углубление сотрудничества между ними. Как считает широкий круг исследователей, такой образ лучше всего описывает ситуацию, сложившуюся в то время. К его использованию прибегают, в том числе, Кори Вельт и Генри Хейл из Университета Джорджа Вашингтона в предисловии к одной из наиболее системных последних работ по вызовам, с которыми сталкивается Евразия[9]. Они пишут: СНГ «послужило в большей степени тягучим механизмом развода, нежели основой для новых форм интеграции»[10].

Накопленный опыт самостоятельного существования заставил произвести переоценку ценностей. Хотя эта работа, конечно же, не завершена. Сильны сомнения. Действует инерция. Элиты разобщены. Отдельные группировки отстаивают разнонаправленные интересы. Тем не менее, это опыт по большей части убедил в том, что другие пути развития, политика зарабатывания очков на использовании в свою пользу противостояния между ведущими внешними игроками чреваты крайне негативными последствиями. Они ненадежны. Неоднозначны. Не снимают, а во многом усиливают внутренние и внешние риски. Идти по пути их снижения и устойчивого развития нужно вместе. Формирование общих экономических пространств создает гораздо более благоприятную перспективу.

Поэтому-то принятые на Западе шаблоны описания интеграционных процессов в Евразии не выглядят такими уж состоятельными. В чем только Россию не упрекали. В диктате по отношению к соседям. Попытках сохранить архаичные уклады. Стремлении восстановить империю. Желании вытеснить США и ЕС из сферы своих жизненных интересов и не пускать туда. Установках на выращивание антидемократической коалиции. Все такие утверждения, по крайней мере, бездоказательны. Очень часто они напоминают больше пропагандистские построения. Их связь с действительностью, мягко говоря, не всегда прослеживается. Они придумывались, похоже, не обязательно осознанно, откликаясь на чей-то политический заказ,

лишь с одной целью – заронить сомнения в намерениях России, вызвать опасения и подозрительность.

Очевидно же, что предположения о том, будто бы новая независимая Россия, освободившаяся от тоталитарного прошлого и коммунистической идеологии, тождественна Российской империи или Советскому союзу, откровенно тенденциозны. Стремление к интеграции и созданию широких гомогенных экономических пространств носит универсальный характер. Они одинаково прогрессивны, будь то в Западной и Центральной Европе, будь то в Евразии.

Частью аналитиков, пристально следящих за нарождением новых тенденций в развитии отдельных регионов Европы и Азии, особое внимание обращается на то, что Россия приступила к реализации своего геополитического проекта не в лучшие времена. Когда условия для его запуска были далеки от оптимальных. Отношения с коллективным Западом становились все более проблемными. Усиливалось противоборство на пространстве общего соседства. Конфликт на Украине и вокруг нее заставил относиться к нему с еще большей настороженностью. В соседних странах усилились опасения по поводу того, что украинский сценарий может повториться в других местах. Поэтому в своих взаимоотношениях с Москвой они готовы были опираться на другие державы первой величины[11].

Международная ситуация повсеместно действительно очень сложная. Более того, взрывоопасная. Ее быстрого улучшения вряд ли можно ожидать в ближайшем будущем. Но давайте посмотрим на нее под несколько другим ракурсом. Во-первых, сваливать вину за нее на Москву было бы некорректно. Нечестно. Несправедливо. Со всех точек зрения. Совсем другие силы поспособствовали дестабилизации и Большого Ближнего Востока, с чем просто нельзя не согласиться, и общего соседства между Россией и ЕС, Россией и НАТО. Во-вторых, урок, вынесенный из происходящего, вполне может быть и прямо противоположным. Чтобы не допустить повторения допущенных ранее ошибок, чтобы купировать опасные тенденции и перелив нестабильности, как раз и нужно объединять усилия. Лучше объединения, интеграции, сотрудничества рецептов просто нет.

Критического осмысления заслуживают и концептуальные построения, согласно которым евразийский геополитический проект уходит своими корнями в славянофильство, ранние представления о геополитике как вечной схватке между океаническими и континентальными нациями, в постреволюционное евразийство вообще и деструктивную часть движений постсоветского евразийства (присвоивших себе лейбл «неоевразийство»).

К ним примыкают утверждения о том, что евразийство всегда реакционно. Будто бы в прошлом оно объясняло, что нужно отгораживаться от западного влияния. В настоящее время монополизировано российскими ультра националистами, крайне левыми и крайне правыми и военным сословием. В связи с событиями на Украине слилось с лозунгами «Русского мира» и защиты соотечественников за пределами национальной территории[12].

Попробуем разобраться. Потому что и в лингвистическом, и географическом, и политологическом плане многие работы, призванные, вроде бы, внести ясность, частично, даже из лучших побуждений, нередко лишь усиливают неразбериху[13].

От славянофильства до четвертой волны евразийства[14]

Нельзя все валить в одну кучу. Лучшие представители славянофильского движения и панславизма действительно большое внимание уделяли противопоставлению евразийства и западничества. Они стремились обосновать особую идентичность славянских народов, наличие которой позволило бы рассматривать их как единое целое и строить на этом практическую политику. Попытки разобраться в том, какую перспективу несет им свой оригинальный путь развития, предопределяемый особой идентичностью. Однако в этом смысле славянофильство выдохлось еще до масштабных реформ 1860-1870-х годов, преобразивших тогдашнюю Российскую империю, – сразу после беспощадного подавления польских волнений. Его националистическая основа по определению делала его тенденциозным, ограниченным и местечковым.

Вместе с тем, определенная часть идей, развивавшихся тогда, выдержала испытание временем. Они были подхвачены последующими поколениями. Стали неотъемлемой частью богатейшего наследия классического евразийства, концепций этногенеза и мироощущения, отстаивавшегося братьями Рерихами.

Российские философы и культурологи XIX века справедливо указывали, что история никогда и ни при каких обстоятельствах не носит линейного характера. В отличие от того, что утверждалось Георг Вильгельм Фридрих Гегелем и сходными учениями, до сих пор господствующими в США и ЕС. Боролись с представлениями о том, будто бы в своем развитии человечество ступенька за ступенькой поднимается вверх, двигаясь от одной цивилизации к другой, и вершиной на этом пути является западная. Выступали за равенство культур. Диалог цивилизаций. Сотрудничество. Инклюзивность. Ценность каждой из них.

Характерно, что именно такой подход нашел закрепление в Декларации тысячелетия Генеральной Ассамблеи ООН, принятой на ее 55-й сессии 8 сентября 2000 г. В ней, в частности, говорится: «Различия в рамках обществ и между обществами не должны ни пугать, ни служить поводом для преследований, а должны пестоваться в качестве ценнейшего достояния человечества»[15].

Представления о евразийстве как имеющем в своей основе географические категории, родились в недрах белой эмиграции[16]. Их расцвет приходится на первую половину 1920-х годов[17]. Тогда, вслед за книгой Н.С.Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920), выходят евразийские сборники «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения» (София, 1921) и «На путях. Утверждение евразийцев» (1922). Издаются «Евразийские хроники», отдельные номера «Евразийского временника».

До того, как евразийское движение раскололось и сошло на нет, интеллектуальный вклад в него успели внести очень многие известные мыслители и общественные деятели. Среди них – даже П.А.Бердяев, П.Н.Струве, П.Н.Милюков, И.А.Ильин. Его наиболее ярким и последовательным идеологом считается П.Н.Савицкий (1895-1968). Под влиянием его обаяния историк Лев Гумилев много позже создал собственную теорию этногенеза.

«Географические» евразийцы отвергли как бессмысленное, бессодержательное и неверное понятие Европы как совокупности западного и восточного ареалов и вместо двух материков –

Европы и Азии предложили различать на один больше. Третьему – «срединному» материку они дали название континент Евразия. Поскольку его значительную часть занимает Россия, подобное видение географии влекло за собой далеко идущие выводы геополитического и культурологического характера.

Главное в них – Россия не распадается на европейскую и азиатскую части. Она единое целое. Особый тип цивилизации и культуры. «Русская Ойкумена». Россия-Евразия. Мир, вобравший в себя богатейшее наследие восточных, западных и южных народов, в том числе Византии как Второго Рима и «монголосферы» как самой крупной в истории империи. Единство материальных и духовных начал, географических и социокультурных «сопряжений», их синтез. «Срединное государство», связывающее между собой Японию, Китай, Индокитай, Иран, Переднюю Азию и Европу.

Величие России евразийцы видели в том, что, оставаясь сугубо континентальной державой, ей дано объединять народы, страны и континенты и противостоять напору океанических цивилизаций, в том числе в борьбе за пограничные территории, не путем войн и насилия, а иными, мирными методами. Поэтому идейные установки «географических» евразийцев и их последователей было бы ошибкой смешивать с концептами Халфорда Маккиндера, эксцентричного английского географа, историка и теоретика международных отношений[18], которого на Западе считают одним из основоположников современной геополитики[19].

Всю историю человечества он рассматривал как непрекращающийся конфликт и противостояние между океанической и континентальной цивилизациями. Причем считал, что преимущество в них всегда на стороне последних. Ключевое значение в развиваемой им теории он отводил понятию «Мировой остров». В него он включал Евразию и Африку. Самую недоступную часть мирового острова называл «Хартлендом». Это огромная часть материка, охватывающая центральные и северные его районы, где реки впадают во внутренние моря либо в Северный Ледовитый океан. Хартленд, как он считал, – Сердцевина земли или Евразия, недоступная для морских держав. Через нее проходит географическая и геополитическая ось мира. Она «географическая точка опоры в истории». Вокруг лежит внутренний или переходный полумесяц, являющийся буферной зоной между цивилизациями.

Изречение, которым он описывал суть глобальной стратегии, и которое сделало его знаменитым, гласит: «Тот, кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; тот, кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом; тот, кто правит Мировым островом, господствует над миром». Чтобы установить такое господство, как он полагал, достаточно было бы объединения потенциалов Германии и России в любой форме – союза или завоевания. Правда, в дальнейшем, с учетом геополитических реалий, Х.Маккендер отказался от многих элементов своего концепта. Но об этом уже мало кто помнит. Существеннее, что к его последователям относятся многие крупнейшие геополитические школы мира – США (Николас Спайкман и его теория «Римленда», реалполитические школы Генри Киссинджера, Збигнева Бжезинского и неоконсерваторов), Германии (Карл Хаусхофер) и России (идеолог и основоположник неоевразийства Александр Дугин)[20].

В том, что у теории Х.Маккиндера много адептов и в настоящее время, нет ничего удивительного. Такие простые, красивые, искусственные, удобные и, вроде бы, все объясняющие учения всегда востребованы. Но если З.Бжезинский и его школа геополитики

все свои концептуальные построения сводила к «шахматной доске», превращению всей планеты в сферу жизненных интересов США как единственной оставшейся супердержавы и противодействию интегративной роли России в окружающем ее пространстве[21], то сторонники неоевразийства в ответ предложили фактически прямо противоположный сценарий дальнейших действий.

Согласно отстаиваемым им представлениям, плодами окончания «холодной войны» сумели воспользоваться только океанические цивилизации («силы моря») в своих сугубо односторонних интересах. Но и в дальнейшем они продолжили «холодную войну», только другими методами. Наступлению на «цивилизации суши», агрессии против них необходимо дать отпор. Любыми имеющимися в наличии средствами[22]. Но только не почерпнутыми из арсенала либерализма, коммунизма, ультра-радикализма, теорий превосходства и избранности наций, нетерпимости, ксенофобии или чего-то похожего[23].

В классическом евразийстве естественным образом переплетались два начала. С одной стороны, упор делался на отрицании универсального значения западной цивилизации и необходимости противостояния ее гегемонии. Для чего, в том числе, понадобилось сугубо искусственное подразделение Евразии на три самостоятельные части. С другой стороны, во главу угла ставились императивы объединения народов, связанных единой судьбой, культурой и географией. Следование им провозглашалось необходимым и само собой разумеющимся для решения общих задач. К их числу относятся обеспечение мирного гармоничного развития, высокого уровня преуспеяния и сохранения цивилизационной самобытности.

Именно второе начало – мирное, созидательное, конструктивное, обращенное в будущее – послужило источником вдохновения для Нурсултана Назарбаева и его единомышленников в своей собственной стране и далеко за ее пределами. Затем для евразийцев четвертой волны. В своих размышлениях они пошли гораздо дальше него.

Для них противопоставление, противостояние, как и конфронтация, являются ненужными и бессмысленными. Конечно же, друг у друга надо брать все лучшее, наиболее передовые знания и практики и их активно использовать. Но именно то, что тебе нужно и выгодно, а не то, что тебе навязывают. И не наперекор своим интересам, а, напротив, для их удовлетворения. Не в ущерб своим традициям и культуре, а для их расцвета.

Однако основной акцент делается ими на преодолении обособленности, сложении усилий, сопряжении различных интегративных проектов, вынашиваемых отдельными странами и группами государств. Главный приоритет евразийцев четвертой волны – объединение. Иначе говоря, такой геополитический проект, который комфортен для всех стран и народов и дает каждому возможность найти для себя в нем место, адекватное его возможностям и предпочтениям.

Понятно, что это проект совершенно другого масштаба и уровня организации международных отношений. Он позволяет России существенно оптимизировать свой сугубо позитивный вклад в мировое развитие.

Территориальные рамки Большого Евразийского проекта

Не трудно увидеть, что практическая политика новой России никакого отношения к играм в противопоставление цивилизаций суши и моря, как и притязаниям на господство хартленда в геополитическом раскладе не имеет. Поэтому вполне можно согласиться с серьезными учеными, такими как, например, французский историк, социолог и политолог, замдиректора Института европейских, российских и евразийских исследований Университета Джорджа Вашингтона Марлен Ларюэль, которые прямо на это указывают. Она, в частности констатирует, что в практической политике Москвы нет ничего от неоевразийства. Артикулируемый ею призыв – не путать интеллектуальные конструкты и популярные в прошлом идейные течения противостояния и самоизоляции в определенных географических рамках с реальной стратегией, осуществляемой властью[24].

Российская политическая, предпринимательская и интеллектуальная элита исходит из многополярной картины мира. Перестрадав внутри себя тягу к европоцентризму, она принялась выстраивать ровные, близкие, дружественные отношения с ведущими восходящими державами планеты и соответствующих регионов – Китаем, Индией, Бразилией, Южной Африкой. Сделала ставку на то, чтобы координировать с ними свои условия в том, что касается экономического строительства и внешней политики. Так родились российско-китайско-индийский консультативный механизм и БРИКС.

Из абстрактной конъюнктурной схемы, придуманной учеными, БРИКС превратился в одну из опорных международных структур современного мира, оказывающую растущее влияние на глобальные процессы. В его рамках налажены десятки диалогов на всех уровнях, включая регулярные встречи отраслевых министров. Широко используются возможности проведения консультаций и сверки часов в преддверии и на полях международных форумов и заседаний органов международных организаций широкого состава. Особенно активен БРИКС в финансовой области. Большой импульс согласованию позиций по ключевым вопросам мировой повестки и наращиванию практического взаимодействия дают саммиты БРИКС. На последнем из них в Уфе летом 2015 г. получила поддержку его долгосрочная стратегия развития.

В стык с саммитом БРИКС, что было особенно символично, прошел саммит ШОС – другой опорной организации, на которую возлагают всё большие надежды не только входящие в нее, но и близлежащие страны. Одним из наиболее важных и ожидаемых решений, которыми ознаменовалась подготовка к встрече в верхах, стало направленное на сопряжение масштабной китайской программы экономического возрождения Шелкового пути и деятельности ЕАЭС.

Китайские комментаторы писали о нем как формирующем новую реальность в Азии[25]. Российским экспертным сообществом оно было оценено как прорывное. По их мнению, оно создает политическую основу для интеграции интеграций в масштабах Евразии[26]. Тем более что вскоре по итогам саммита СНГ и заседания Высшего Евразийского экономического совета в Астане 16-17 октября 2015 г. его удалось дополнить документом о координации действий государств-членов по вопросам сопряжения.

Столь комплиментарная оценка вполне объяснима. За объединением потенциалов Китая и ЕАЭС в целях осуществления крупных проектов – большое будущее. Сейчас экономическими центрами притяжения для азиатских стран служат вторая и третья экономики мира – Китай и Япония. Если нынешние тенденции быстрого и динамичного становления ЕАЭС сохранятся,

новое интеграционное объединение обязательно приобщится к их числу. Судя по очереди на заключение соглашения с ЕАЭС о вхождении в зону свободной торговли, в том, что касается политического и организационного измерения, Союз потенциально уже становится вровень с ними.

ЕАЭС, и в этом тоже состоит одно из его достоинств, хорошо подпирают структуры ОДКБ. Правила повсюду идентичны – для уверенного экономического развития необходимы политическая стабильность и безопасность. В Азии внешние риски, в том числе порождаемые угрозой терроризма, религиозного экстремизма, экспорта нестабильности и массового потока беженцев, крайне велики. Парировать их и призвана такая международная организация безопасности, как ОДКБ с ее быстро наращиваемым антитеррористическим потенциалом и высокопрофессиональными подразделениями быстрого реагирования.

ЕАЭС появился на политической карте мира совсем недавно. Ему еще предстоит доказывать свою состоятельность, завоевать авторитет и влияние. Но сделанные им первые шаги вполне обнадеживают. По охвату областей, на которые учредительные договоры распространяют классические экономические свободы движения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы, ЕАЭС претендует на то, чтобы буквально за несколько лет пройти тот путь, на который у других интеграционных объединений уходило десятилетия. По методам принятия программных политических и экономических решений предоставляет всем государствам-членам все гарантии равенства и равноправия, полного и последовательного учета национальных интересов.

В то же время в ЕАЭС управление повседневной деятельностью доверено наднациональному органу – Евразийской экономической комиссии. Она наделена исполнительными и регулятивными функциями[27]. Важным подспорьем в обеспечении единства наднационального законодательства и правоприменительной практики обещает стать Евразийский экономический суд. Он уже приступил к разбирательству первых дел, переданных на его рассмотрение[28]. Вынесенными им стартовыми постановлениями он существенно упростил доступ к олицетворяемому им международному правосудию для юридических лиц, по сравнению с правовыми позициями Суда Европейского Союза. На штапелях ЕАЭС – десятки новых многосторонних соглашений, необходимых для того, чтобы обслуживаемые им интеграционные процессы приобрели более конкретное содержание.

Во внешнеполитическом плане ЕАЭС придает всем государствам-членам дополнительный вес и усиливает их переговорные позиции в отношениях с третьими странами и их объединениями. Кроме того, позволяет России «замкнуть» круг созданных им международных структур, придать им взаимоподкрепляющий и взаимодополняющий характер. В том, что касается экономики, ЕАЭС предоставляет в распоряжение бизнеса государств-членов более широкие рынки производства и сбыта. Дает возможность оптимизировать расходы. Помогает стать более конкурентоспособными. Делает общее экономическое пространство более притягательным для нерезидентов.

Под углом зрения эффективного управления ЕАЭС позволяет ориентироваться на лучшие практики. Помимо всего этого, его успешное становление открывает перспективу постановки вопроса об интеграции интеграций, как уже упоминалось выше. С китайской программой возрождения Шелкового пути, принципиальное решение о чем уже принято. С

формирующимися в Азиатско-тихоокеанском регионе экономическими зонами, сообществами или партнерствами. С ЕС, который, если будет и дальше колебаться и обставлять каждый свой шаг бесконечными условиями, рискует остаться в стороне от набирающих силу процессов евразийского экономического развития.

Россией сказочки о доминировании, хартлендах, осях мира, навязывании другим своих представлений и образа жизни давно уже оставлены в прошлом. С учетом своего веса в мировых делах, статуса члена СБ ООН и ядерного клуба, активного участия в ряде запущенных масштабных международных проектов, опыта существования в самых разных системах политических координат, Россия замахивается в Евразии на роль объединителя, интегратора, связующего звена между разными народами, странами и регионами. Как и акцентировал С.А.Караганов в предисловии к упомянутой выше книге «Поворот на восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России».

Она по праву претендует на роль того, кто помогает, способствует и поощряет самое широкое международное сотрудничество. Того, кто способен внести определяющий вклад в сглаживание противоречий и урегулирование конфликтов, препятствующих доступу отдельных стран и народов к такому сотрудничеству, как это имело место при нахождении развязок на переговорах по ядерной программе Ирана. Именно Москва настояла на дипломатическом решении, которое позволило Тегерану вернуться в мировую политику и экономику, а международному сообществу получить требуемые гарантии против приобретения им потенциала производства оружия массового поражения.

С тем чтобы подкрепить описанную позитивную роль, которую она могла бы играть в Евразии, роль, выгодную всем, Россия готова самым активным образом содействовать объединению усилий не только в области экономики, но и мягкой и жесткой безопасности. Речь о совместной борьбе с наркотрафиком, организованной преступностью, контрабандой мигрантов и беженцев, отмыванием денег. О совместном предотвращении попыток насильственной смены законных правительств. Формировании и укреплении подлинного антитеррористического фронта. Создании полноценной системы коллективной безопасности, одним из гарантов которой она могла бы выступить. Если суммировать, как это делает глава внешнеполитического ведомства России, то речь идет о «по праву принадлежащей нашей стране роли одного из ведущих центров современного мира, поставщика ценностей развития, безопасности и стабильности»[\[29\]](#).

Другим чрезвычайно важным ресурсом, которым Россия могла бы поделиться со странами и народами суперрегиона, является энергетика. В этой области она признанный лидер. А масштабное строительство самых современных атомных электростанций и стабильные поставки углеводородов – это то, в чем нуждаются все. Тем более, принимая во внимание грядущее повышение цен, неотвратимый характер которому придает недофинансирование отрасли из-за текущего кризиса перепроизводства.

Очевидно, что такая роль очень далеко выходит за пространственные рамки ЕАЭС, Евразии в понимании теоретиков евразийства, хартленда, которым неокосы продолжают пугать обывателя, двусторонних российско-китайских, российско-индийских, российско-иранских отношений и т.д. Она необходима, может быть востребована и реализуема только в рамках суперрегиона. Другой термин, постепенно входящий в оборот, – в рамках мегарегиона. Он мог

бы охватывать всю Азию и ту часть Европы, которая, вслед за азиатскими странами, сочтет для себя выгодным и перспективным свое участие в нем.

Оптимальными рамками для ее воплощения в жизнь в контексте интеграции интеграций могла бы стать Большая Евразия. С 2015 г. именно об этом начали говорить ведущие российские аналитики. Приоритет по-прежнему за экспертами «Валдайского клуба», Совета по внешней и оборонной политике, факультета мировой экономики и мировой политики ВШЭ. Вместе с тем сейчас к ним присоединились и наши зарубежные коллеги. В концептуальном плане представления о Большой Евразии только вырабатываются. Но за ними будущее. Лишь в масштабах такого колоссального суперрегиона удастся постепенно погасить пламя вооруженных конфликтов. Построить подлинную систему коллективной безопасности. Помирить исторических противников. Снять взаимную подозрительность и недоверие. Обеспечить политическую стабильность. Избавиться от диких качелей, на которых взмывает вверх и падает вниз мировая экономика. Покончить с бедностью. Добиться устойчивого экономического развития. Построить хотя бы чуть более справедливый порядок для всех.

Самодостаточность ресурсной базы построения Большой Евразии

На вопрос о том, достаточно ли у России ресурсов для осуществления столь масштабного и амбициозного проекта, как построение Большой Евразии, ответ может быть только один – нет, недостаточно. Но вопрос сформулирован некорректно. Речь не идет и не должна идти о российском проекте или монополии России на такой проект. В становлении Большой Евразии объективно заинтересованы все его потенциальные участники. Значит, правильной была бы постановка вопроса о сложении потенциалов, их объединении и получении колоссального синергетического эффекта. О сотворчестве. Вкладе в него каждого.

Переформулируем вопрос. Он может звучать примерно так: достаточно ли ресурсов, политической воли и стратегического видения у таких титанов современного мира, как Индия, Иран, Китай, Россия, Казахстан, к которым примкнули быстро растущие экономики и другие заинтересованные страны, для того, чтобы запустить проект создания Большой Евразии и преуспеть в данном начинании. Положительный ответ на первую часть вопроса совершенно очевиден. Деловая активность в мире перемещается в Евразию. Здесь сосредоточены крупнейшие полюса роста, драйверы экономического развития планеты, колоссальные людские ресурсы. Находятся страны, обладающие мощнейшим военно-политическим и дипломатическим потенциалом. Среди них Россия, способная выступить по отношению к Большой Евразии в качестве «главного гаранта его безопасности и международного мира в целом, защиты от дестабилизирующих действий внешних сил»[\[30\]](#).

Ответ на вторую его часть даст сама жизнь. Он будет зависеть от того, насколько активно будет развиваться сотрудничество в рамках БРИКС. Какими темпами пойдет строительство возрождаемого Китаем Шелкового пути. Насколько органично удастся сплести между собой осуществление этого проекта и интеграционные процессы на территории бывшего СССР. С какой скоростью будут укреплять союзные и партнерские связи страны, входящие в ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и другие международные и интеграционные структуры.

Переформулируем этот же вопрос еще раз. Теперь он будет звучать примерно так: а есть ли уверенность в том, что проект Большой Евразии окажется более конкурентоспособным по сравнению со всеми остальными. Вопрос с тройным дном. Отвечая на него, надо хотя бы в первом приближении разобраться с тем, первое: насколько он совместим с естественным стремлением суверенных государств решать затрагивающие их проблемы самостоятельно или же в режиме меняющейся геометрии сотрудничества и взаимодействия. Второе: не препятствует ли его успешной реализации соревнование между уже осуществляющимися гораздо более компактными, зато реальными и состоявшимися интеграционными проектами в разных частях Евразии. Третье: как структуризация Большой Евразии соотносится с другими мегапроектами с участием европейских и азиатских стран, включая Тихоокеанское и Евроатлантическое торговые и инвестиционные партнерства (ТТП и ТТИП).

Современная история дает много примеров успешного международного и внешнеэкономического лавирования государств, проведения политики особых отношений, равноудаленности, приверженности нейтральному статусу, использования своих природных, географических, управленческих или иных преимуществ без формального участия в каких-либо союзах, сообществах и партнерствах. Возьмем Европу. Весьма интересный опыт в этом плане накопили Австрия, Финляндия, Швейцария. Все они добились очень хороших экономических результатов. Имели возможность пользоваться благами самостоятельности и индивидуализма в полном объеме. Однако под грузом обстоятельства, и когда для этого возникли необходимые предпосылки, пошли на радикальный пересмотр своего положения в мире.

Австрия и Финляндия отказались от своего нейтрального и особого статуса и вступили в ЕС, а также стали частью учрежденного Лиссабонским договором оборонительного союза. Швейцария формально сохраняет приверженность нейтралитету. Однако через систему договоров с ЕС, известных под названием Берн-I и Берн-II, и вхождение в Шенген фактически превратилась во внешнего участника интеграционного объединения. Во всяком случае, как прямо признавались нам ведущие швейцарские политики, ни одного шага во многих областях без оглядки на Брюссель сделать не может.

На протяжении всего последнего периода, имея богатейшие запасы углеводородов, квалифицированные кадры и производственную базу, стремительно развивался Азербайджан. Не менее впечатляющими темпами в отдельные годы, чем Китай. И в экономическом, и в социальном плане. Его столица превратилась в один из красивейших городов мира. Баку удавалось искусно маневрировать между более мощными глобальными и региональными игроками. Однако случилось непредвиденное - цены на все его экспортные товары катастрофически просели. Большого запаса прочности у национальной экономики нет. Азербайджан остался один на один с очень больно ударившим по нему кризисом сугубо конъюнктурного характера, который, тем не менее, угрожает в любой момент перерасти во что-то большее.

Азиатско-тихоокеанские «тигры», быстро поднимающиеся экономики первой и второй волны, да и страны, которым в прошлом удалось осуществить экономическое чудо, стоят перед дилеммой другого порядка. Если они не примкнут к той или иной экономической группировке, им будет сложнее отстаивать свои интересы и бороться с дискриминацией на региональных и

межрегиональных рынках. Они сильно потеряют в конкурентоспособности по сравнению с остальными.

Таким образом, прежняя ставка на неучастие больше не работает. Она чревата либо меньшей устойчивостью к внешним вызовам и угрозам, либо утратой конкурентных возможностей и преимуществ. Все государства стоят перед тем или иным выбором. Им в обязательном порядке предстоит играть по новым правилам и подключаться к тому или иному более общему, традиционному или интеграционному проекту.

На территории Евразии в настоящее время осуществляется ряд больших, региональных либо субрегиональных проектов. Наиболее продвинутым из них остается западноевропейский, хотя по причине целой вереницы кризисов он переживает сейчас не лучшие дни. Наиболее молодым – Экономический пояс Шелкового пути. До этого Пекин уже создал масштабную зону свободной торговли с большой группой стран АТР. За 2015 год он серьезно расширил его географию, в том числе заключив соглашение о свободной торговле со Швейцарией. Динамично развивается ЕАЭС, фактически предлагающий третьим странам различные формы подключения к его преимуществам. В недалеком будущем возможно появление новой экономической группировки в составе Южной Кореи, Китая и Японии.

До сих пор ЕС враждебно относился к становлению процессов интеграции при лидирующей роли России. Старался ему помешать. На зону свободной торговли, формируемую Китаем, он практически не имел влияния. На возможности, открывающиеся в связи с возрождением Шелкового пути, смотрит с вожделием. Пекин к западноевропейскому проекту относится как к данности, создавая многочисленные плацдармы для вхождения на обширнейший единый рынок ЕС. С ЕАЭС имеет в виду заключить непреференциальное торговое соглашение[31]. Так что взаимодействие между интеграциями носит хаотичный, ограниченный, противоречивый характер.

Страной, предпринявшей попытку сломать ситуацию на концептуальном уровне, выступила Россия. Москва в практической плоскости выдвинула идеи сопряжения интеграций и интеграции интеграций, обосновала предложения о формировании общих пространств от Атлантики до Тихого океана. Примеривается к тому, как можно было проложить путь к созданию сообщества Большой Евразии. Ее подход отличает ставка на инклюзивность. На предоставление всем третьим странам возможности воспользоваться плодами интеграции интеграций, а не «выбирать лучшее из двух зол». Нахождение таких юридических конструкций, которые были бы удобны всем и помогали снизить объективно всегда имеющиеся противоречия. Преследование общего интереса. По инициативе Москвы работа над сопряжением Экономического пояса Шелкового пути и деятельностью ЕАЭС уже началась. Во всяком случае, как подчеркивалось выше, необходимые политические решения приняты. Это движение на Восток. Но и о движении на Запад в ЕАЭС не забывают. Евразийская экономическая комиссия направила руководству ЕС официальное приглашение приступить к переговорам. Инициативную позицию по этому вопросу заняло текущее председательство в ЕАЭС, перешедшее к Казахстану. Мы выступаем за «курс на создание Сообщества Большой Евразии, открытого для мира и нацеленного на сотрудничество со странами ЕС» – акцентируется в новой Стратегии для России, предложенной Советом по внешней и оборонной политике в середине 2016 года.[32]

Если руководствоваться здравым смыслом, а не устаревшими догмами, не вызывает сомнений, что восприятие «чужих» интеграционных проектов в качестве сугубо конкурирующих и даже враждебных ведет в никуда. Напротив, за сопряжением интеграций – большое будущее. Хотя путь к нему, скорее всего, будет сложным и тернистым.

С соотношением между Большой Евразией, ТТП и ТТИП все намного сложнее и противоречивее. Ведь ТТП и ТТИП стали реакцией на пробуксовку ВТО и стремительное восхождение Китая. Это отнюдь не просто поиски более эффективных механизмов сотрудничества или стремление к общему благу. По своей сути они нацелены против кого-то. Евразийский проект не должен иметь такую направленность. Ни в коем случае. Его кредо – интеграция интеграций, объединение усилий для решения общих проблем, получение синергетического эффекта. Поэтому первоначально появившееся как поиски мегапроекта, который был бы в том же тренде, что и ТТП и ТТИП, видение Большой Евразии быстро эволюционировало. По своим целям, характеру и содержанию оно коренным образом отличается. Его призвание состоит не в том, чтобы победить, противопоставить, навязать, а в том, чтобы помочь в развитии и нахождении совместных, общих, главное – ни в коем случае не односторонних решений. «Это позволит уже в среднесрочной перспективе, – как ратуют авторы 4-го доклада «Валдайского клуба» на эту тему, – вплотную приблизиться к формированию на евразийском пространстве новой международно-политической целостности, основанной на общих интересах и многих общих ценностях. Возникновение такого объединения сплотит Евразию и сделает ее самостоятельным центром силы и влияния в глобальном масштабе»[33].

В том, что касается стратегического видения Большой Евразии, предстоит сделать особенно много. Чтобы убрать из него любые спекулятивные наслоения. Сделать максимально прагматичным, детальным, убедительным. Показать, насколько мощный позитивный эффект даст успешная реализация проекта. Если его правильно выстроить, как об этом пишет директор Московского отделения «Карнеги» Д.В.Тренин в июньском выпуске журнала по России/СНГ Французского института международных отношений[34]. К участию в его формировании в сотрудничестве с российским экспертным сообществом хотелось бы пригласить всех независимых ученых, заинтересованных аналитиков, интеллектуальную элиту стран Европы и Азии.

Конечно, у него найдется немало противников. Причем энергичных и деятельных. Прекрасно владеющих техникой приема, известного под брендом «разделяй и властвуй». Но преимущество действительно большого и выгодного всем проекта заключается в том, что помешать его осуществлению намного сложнее, чем реализуемому лишь небольшой горсткой государств.

© Марк ЭНТИН, главный редактор,
профессор МГИМО МИД России,
Екатерина ЭНТИНА, доцент НИУ ВШЭ

[1] Sergey Lavrov's article "Russia's Foreign Policy: Historical Background" for "Russia in Global Affairs" magazine at http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124391?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB

(Accessed June 17, 2016).

[2] Т.В. Бордачев, С.А. Караганов, А.А. Безбородов, А.Т. Габуев, К.В. Кузовиков, А.Б. Лихачева, А.В. Лукин, И.А. Макаров, Е.А. Макарова, А.С. Скриба, Д.В. Суслов, И.Н. Тимофеев, *К Великому океану - 3: Создание Центральной Евразии* / под ред. С.А. Караганова, М.: МДК «Валдай», 2015.

[3] Поворот на восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России, *Международные отношения*, М., 2015.

[4] С.А. Караганов, О.Н. Барабанов, А.А. Безбородов, Т.В. Бордачев, А.В. Казакова, А.Б. Лихачева, А.В. Лукин, И.А. Макаров, А.С. Пятачкова, А.С. Скриба, А.К. Соколова, Д.В. Суслов, И.Н. Тимофеев, *К Великому океану - 4: Поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи* / Под редакцией Т.В. Бордачева, М.: МДК «Валдай», 2016.

[5] С.А. Караганов, «Первые контуры Большой Евразии» at <http://karaganov.ru/publications/363> (Accessed June 17, 2016).

[6] Федеральное агентство по делам Содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

[7] Nicu Popescu, Eurasian Union Uncertainties, in *Eurasian Visions*, p. 33-38.

[8] Каталог трудов Президента Казахстана - <http://personal.akorda.kz/ru/category/knigi> <http://personal.akorda.kz/ru/category/knigi> (Accessed June 17, 2016).

[9] *Eurasian Visions. Integration and Geopolitics in Central Asia. PONARS Eurasia Policy Perspectives September 2015*. Based on the papers presented at PONARS Eurasia policy workshop "Security and Regional Integration in Eurasia" held at Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan, in June 2015 and co-sponsored by Nazarbayev University and the University of Wisconsin-Madison. PONARS Eurasia Institute for European, Russian and Eurasian Studies, Elliott School of International Affairs, The George Washington University, 98 p.

[10] Cory Welt, Henry E. Hale, Foreword, in *Eurasian Visions*, p. viii.

[11] Ibidem.

[12] Andrey Makarychev, "Reassembling Lands or Reconnecting People? Geopolitics and Biopower in Russia's Neighborhood policy, in *Eurasian Visions*, p. 7-12; Viatcheslav Morozov, Kazakhstan and the "Russian World". Is a New Intervention on the Horizon? in *Eurasian Visions*, p. 13-18.

[13] Marlene Laruelle, "Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union. Terminological Gaps and Overlaps", in *Eurasian Visions*, p. 1-5.

[14] По нашей классификации, третьей волной или, иначе, тупиковым ответвлением евразийства, которому как раз и противостоит его наиболее современное актуализированное понимание, стало «неоевразийство».

[15] http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (Accessed June 17,

2016).

[16] «Политико-правовые взгляды евразийцев,» at http://studme.org/1854051630520/politekonomiya/politiko-pravovye_vzglyady_evraziytsev#730 (Accessed June 17, 2016).

[17] «Власть континента: Россия-Евразия», at http://studme.org/105604125855/politologiya/vlast_kontinenta_rossiya-evraziya (Accessed June 17, 2016).

[18] В.А. Дергачев, «Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. 2010-2014», at <http://www.dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/21/08.html> (Accessed June 17, 2016).

[19] Halford Mackinder, *Britain and the British Seas*, London, 1902 (Халфорд Маккиндер, *Британия и Британские моря*, Лондон, 1902); Н. Маккиндер, "The Geographical Pivot of History," *Geographical Journal*, 23, 1904 (Х. Маккиндер, «Географическая точка опоры в истории», *Географический журнал*, 23, 1904); Halford Mackinder, *Democratic Ideals and Reality*, London, 1919 (Халфорд Маккиндер, *Демократические идеалы и реальность*, Лондон 1919); Н. Маккиндер, "The Round World and the Winning of Peace," *Foreign Affairs*, 21, 1943 (Х. Маккиндер, «Глобальный мир и победоносное шествие мира», *Международные отношения*, 21, 1943).

[20] Эмерик Шопард, «Халфорд Маккиндер и "Хартлэнд"», Перевод для Око-планеты: Дмитрий Люфт at <http://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/132721-halford-mackinder-i-hartlend.html> (Accessed June 17, 2016).

[21] В. Поликарпов, *Збигнев Бжезинский. Сделать Россию пешкой*, М., 2011, 240 стр. Аннотация книги at <http://www.litres.ru/vitaliy-polikarpov/zbigne-bzhezinskiy-sdelat-rossiu-peshkoy/> (Accessed June 17, 2016).

[22] «Время возвращать наши святыни: принципы и стратегия грядущей войны,» at <http://evrazia.org/print.php?id=2787> (Accessed June 17, 2016).

[23] А.Г. Дугин, *Основы геополитики*, М., 1997, 1999, 2000, 2001; А.Г. Дугин, *Проект «Евразия»*, М., 2004.

[24] Marlene Laruelle, "Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union. Terminological Gaps and Overlaps", in *Eurasian Visions*, p. 1-5.

[25] Jang Jin, "Ufa Summits sign of shift in Eurasian geopolitics," *Global Times*, July 8, 2015, at <http://www.globaltimes.cn/content/930917.shtml> (Accessed June 17, 2016).

[26] С.А. Караганов, «Первые контуры Большой Евразии», at <http://karaganov.ru/publications/363> (Accessed June 17, 2016).

[27] <http://www.eurasiancommission.org/> (Accessed June 17, 2016).

[28] <http://courteurasian.org/> (Accessed June 17, 2016).

[29] Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова «Историческая перспектива внешней политики России» опубликованная в журнале «Россия в глобальной политике» 3 марта 2016 года at http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124391 (Accessed June 17, 2016).

[30] С.А. Караганов, «Обещание Евразии» at <http://karaganov.ru/publications/378> (Accessed June 17, 2016).

[31] Выступление Михаила Евдокимова на сессии «Евразийский экономический союз в контексте мировой экономики» международной конференции «Ялта-2015», «Международная жизнь», №1, 2016, с. 83-86.

[32] Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х – начало 2020-х годов, М.: СВОП, 2016.

[33] К Великому океану – 4: поворот на Восток, с. 36.

[34] D. Trenin, Russia's Asia Strategy: Bolstering the Eagle's Eastern Wing / "Russie. Nei. Visions", IFRI's Russia/NIS Center, No. 94, June 2016.